

корреспондента

Я СТОЮ у стеллажей и думаю, что вот и книги Горького — на полке редких изданий. Там место Пушкина, Гоголя, Льва Толстого — ведь они так отдалены от нас во времени. А Горького я когда-то видел своими глазами, слышал его голос...

ПОИСКИ, НАХОДКИ

СТОЮ У ПОЛКИ КНИЖНОЙ...

Беру том в добротном переплете, который даже не тронуло время. Титульный лист: «М. Горький. Очерки и рассказы. Издание С. Дороватовского и А. Чарушникова. С.-Петербург, 1899 г.»

Эта книга особенно дорога мне — на свободном листе расписался ее хозяин — А. Деренков. В 1960 году я обнаружил ее в сибирском городке Анжеро-Судженске у одного шахтера. Когда-то она принадлежала Андрею Деренкову, другу Горького. Этого булочника-книголюбца писатель изобразил в повести «Мои университеты». Я узнал, что Деренков из Казани бежал в Сибирь; поехал по его пути сначала в Томск, потом в Анжеро-Судженск. Мечтал найти его библиотеку, письма, фотографии Горького. А нашел вот только одну книгу, теперь уже редкую!

Вот брошюрка в пятнадцать страниц — «М. Горький. Дело с застешками. 1906 г.» Выпустило ее товарищество «Знание», с которым Алексей Максимович связал свою судьбу еще до революции 1905 года.

С приходом Горького к издательскому столу дело выпуска книг пошло куда живее, особенно сборников, в которых публиковались произведения Серафимовича, Леонида Андреева, Куприна и др. Недаром В. И. Ленин заметил, что в период своего расцвета это были сборники, «стремившиеся концентрировать лучшие силы художественной литературы».

То были сборники. А вот таких тоненьких книжечек Горького я не встречал ни в музеях, ни у книголюбов. Да и не мудрено: толстые, хорошо переплетенные тома «Знания» люди хранили более бережно, чем трехкопеечные тетрадки. Прошедшие десятки рук, брошюрки при-

ходили в ветхость, уничтожались. Кроме того, многие из них небезопасно было хранить после подавления революции 1905 года. Хорошо, что когда-то я не прошел мимо старика-букиниста на одесском базаре!

Есть в моей библиотеке отдельные тома из всех собраний сочинений, выходящих при жизни Горького. Один из них особенно любопытен. Его я привез из Австрии, где обнаружил среди самых различных книг какого-то магната, бежавшего в 1945 году из родового замка.

Надо сказать, что над первым собранием сочинений Горького хорошо «поработала» царская цензура. Просмотрев одно из переизданий повести «Детство», Горький спрашивает у своего биографа И. Груздева в письме от 15 февраля 1929 года: «Кстати: в «Детстве» на 49 стр. кто-то поселял три строчки многоточий. В чем дело?»

Груздев отвечает:

«Дорогой Алексей Максимович, Вы спрашиваете, кто поселял многоточия в «Детстве» (с. 49). Эти многоточия идут с издания 1915 г. (первого издания) и посеяны они никем иным, конечно, как цензором; очевидно усмотрел в чем-нибудь кощунство. И вычеркнуто, может быть, — 3 строчки, а м. б., — 3 страницы: количество точек при больших выкидках ставилось условно. Не сохранилась ли рукопись «Детства?»»

Пришлось биографу проделать большую работу: разыскивать различные публикации «Детства», чтоб восстановить изъятую цензурой. Оказалось, за многоточиями пряталась такая фраза: «Иногда мне казалось, что она так же задушевно и серьезно играет в иконы, как пришибленная сестра Катерина — в куклы».

А вот эта книга дорога мне тем, что в ней собраны статьи, заметки, выступления, которые публиковала «Правда» к 40-летию литературной деятельности А. М. Горького. Выпущена книга небольшим тиражом в 1932 году. В ней много иллюстраций; рассказы о том, как чествовали Горького в Большом театре, о награждении его орденом Ленина. Вот, к примеру, что было сказано в «Правде» о Молдавии:

«Тирасполь. Театры и клубы Молдавии провели постановки произведений А. М. Горького. Госиздат издал 5 книг сочинений Горького на молдавском языке. В Молдавском пединституте учреждено 15 стипендий имени Горького. Это имя дано также 11 лучшим школам-семилеткам».

Впервые в этой книге публикуются документы из Централархива СССР: анкеты охранного отделения, справки об арестах Горького, материалы департамента полиции о слежке за ним, об обысках на его квартире. Недаром писатель общал Е. П. Пешковой в марте 1917 года: «Охранников среди нас числа нет! Я был так ловко обставлен, что все, что у меня дома творилось, было в тот же день сообщено охране. С моего стола воровали письма: письмо, полученное мною 25-го февраля, лежавшее на столе у меня, 26-го исчезло, а 2-го марта его нашли в охранке!».

...Сейчас, в канун 115-летия со дня рождения Горького, я вновь просматриваю его книги, ставшие уже редкими, уникальными...

Б. ЧЕЛЫШЕВ,

доцент Тираспольского пединститута.